

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'42:811.161.1"8
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Л. В. Балашова
Саратов, Россия

МЕДИЦИНСКАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ XX—XXI ВВ. (ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются метафоры, формируемые на базе медицинской лексики, зафиксированные в советских и постсоветских (российских) СМИ. Цель исследования — установить общее и различное в функционировании медицинских метафор на двух этапах развития русскоязычного политического дискурса СМИ, в формировании и репрезентации картины мира. Материалом исследования послужили газетные тексты, публицистический и газетный подкорпусы Национального корпуса русского языка (НКРЯ) за 1918—1945 гг. и 2000—2017 гг. Отмечается, что медицинская лексика является активным источником формирования политических метафор, однако в XXI в. число таких переносов существенно увеличивается, а используемые слова становятся более разнообразными в семантическом и функционально-стилистическом аспектах. Подчеркивается, что все исследованные метафоры функционируют в рамках единой концептуальной модели, с помощью которой авторы публикаций экспрессивно характеризуют основные проблемы в развитии страны и мира. В советских СМИ данные проблемы-«болезни» связаны с внешним, капиталистическим окружением и царским прошлым, поэтому обычно оказываются «неизлечимыми»; журналисты XXI в. уделяют основное внимание «болевым точкам» в развитии современной России, предлагая различные способы «лечения» этих проблем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медицинская лексика; политический медиадискурс; концептуальная метафора; средства массовой информации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Институт филологии и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, 9; e-mail: sarteorlingv@yandex.ru.

Практически все современные исследователи отмечают особую роль метафор в репрезентации языковой картины мира: «Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» [Лакофф, Джонсон 2004: 387; 390]. Но в разных типах дискурса реализация данных функций у переносных значений имеет свои особенности. В частности, политическая метафора, по мнению многих исследователей [Баранов 2003; Будаев, Чудинов 2006б; Чудинов 2012; Lakoff 2008], является одним из самых распространенных и эффективно действующих инструментов публичной политики. Это вполне закономерно, поскольку политический язык всегда был средством манипулирования человеческим сознанием, продвижения политических идей, заложенных в тексте, в том числе и имплицитно, «между строк» (ср.: [Балашова 2013; 2014; Дементьев 2014; 2015; Зарипов 2017; Кириллова 2011; Колтышева 2012; Марьянчик 2011]), способом, с помощью которого «социальная власть осуществляет свое господство в обществе» [Будаев, Чудинов 2006а: 33].

Более того, при динамическом подходе к политическому дискурсу «активизация метафор в социальной коммуникации может служить признаком приближающихся общественных потрясений и одновременно свидетельствовать о направлениях движения политического сознания» [Будаев, Чудинов 2008: 4], поскольку «каждый новый поворот в

историческом развитии государства приводит к языковой „перестройке“, создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы» [Там же: 17]. Вследствие этого интересным представляется проанализировать метафорическую подсистему, формируемую на базе медицинской лексики в русскоязычном политическом дискурсе советского и российского этапов его развития.

Следует отметить, что медицинская лексика в данной работе рассматривается не как строго терминологическая группа (ср.: [Муране 2002; Хади 2017]), а как сложная лексическая подсистема, связанная с отражением общей ситуации «Болезнь человека и ее лечение», вследствие чего к медицинской лексике относятся лексемы из нескольких семантических группировок: «Физиологическое, психическое и эмоциональное состояние человека»; «Профессиональная деятельность медицинских работников»; «Артефакты медицинского назначения». В рамках медицинской лексики в соответствии со структурой указанной ситуации могут быть выделены две семантические группы: (1) «**Болезненные состояния человека**» (с дифференциацией по нескольким параметрам: болезненное состояние (недомогание, болезнь, травма и т. п.) и человек в таком состоянии; причины и симптомы болезни; степень опасности заражения и распространения заболевания); (2) «**Лечение заболевания человека**» (с дифференциацией по следующим параметрам: динамика состояния

больного человека; меры по восстановлению здоровья больного или по предотвращению заболевания у здорового человека; специальные средства и инструменты, используемые в этом процессе; лица, принимающие такие усилия). Материал для исследования извлечен из общественно-политических советских и российских СМИ:

- 1918—1945 гг. — подкорпус НКРЯ (Национального корпуса русского языка) «Публицистика»; «Еженедельник Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией» (далее ЕЧК), «Комсомольская правда» (далее КП), «Красная Звезда» (далее КЗ), «Правда» (далее Пр.), «Труд» (далее Тр.);

- 2000—2017 гг. — газетный подкорпус НКРЯ; «Аргументы и факты» (далее АиФ), «Известия» (далее Изв.), «Информационное агентство России ТАСС» (далее ИТА ТАСС), «Коммерсантъ» (далее Ъ), «Комсомольская правда» (далее КП), «Московский комсомолец» (далее МК), «Независимая газета» (далее НГ), «Новая газета» (далее НовГ), «Новые известия» (далее НИ), «Новый регион 2» (далее НР2), «Парламентская газета» (далее ПГ), «Правда» (далее Пр.), «РБК Daily» (далее РБК), «РИА „Новости“» (далее РИА), «Российская газета» (далее РГ), «Труд-7» (далее Тр.), «Эксперт» (далее Экс.).

Как показал анализ, медицинская лексика активно используется в качестве *источника метафоризации* как в советский, так и в российский период развития политического дискурса. В словарном составе и в принципах отбора единиц исследуемого поля есть общее и различное, причем то и другое имеет концептуальное значение.

Так, для семантической группы «**Болезненные состояния человека**» переносные значения в советских и российских СМИ регулярно фиксируются у **обобщенных наименований** физического недомогания, а также человека в таком состоянии и с такими ощущениями. Это прежде всего члены ядерного для медицинской лексики словообразовательного гнезда: *болеть*, *больной*₁ 'страдающий какой-л. болезнью', *больной*₂ 'тот, кто страдает какой-л. болезнью', *болезнь*, *болезненный* и т. п. Но в СМИ XXI в. этот ряд расширяется за счет специальной терминологии — *пациент*. Например: *Передача непосредственно народному суду расправы с „больными“ этой болезнью* [о взяточниках и коррумпированных чиновниках] *могут и должны только радовать души честных и искренних* (ЕЧК, 1918.13.10; поскольку целью данной работы является общая характеристика советского и российского полити-

ческого дискурса, то в целях сокращения ее объема мы не указываем автора и названия цитируемой публикации). — *Экономика Украины — это очень больной пациент с целым букетом хронических заболеваний* (АиФ. 2013.17.05).

Среди наименований **физических заболеваний** для формирования переносов советские и российские журналисты используют преимущественно номинации болезней, связанных с серьезной физической патологией (инвалидностью) человека, препятствующих объективному восприятию действительности и свободе движения (ср.: *слепой, слепота, слепец, глухой, хромать*); заболеваний, вызванных воздействием на организм ядовитых веществ (ср.: *отравить, отравиться*); тяжелых инфекционных болезней, часто принимавших в прошлые века характер эпидемии (ср.: *чума*); серьезных травм, заболеваний кожи, слизистых оболочек, обычно болезненных и/или внешне неприятных, опасных для окружающих (ср.: *рана, гнилой, гнилостный, проказа*). Например: *Нужно соскочить этот налет самовлюбленности и близорукости и помнить, что кооперация является сейчас чрезвычайно сильной общественной и экономической организацией* («Нижегородский кооператор», 1928. № 21); *<Выступим> против этой проказы* [распространения ложных слухов], *которая отправляет души в момент, когда мы более всего нуждаемся в поддержке* (КЗ, 1944.01.28). — *Вдохновителям „оранжевой проказы“ необходимы богатства Украины* (Пр., 2013.02.12); *Элиты по-прежнему... отравлены антисоветизмом* (Изв., 2014.05.18).

Но в современных российских СМИ этот ряд пополняется терминологическими обозначениями не только указанных выше типов заболеваний (ср.: *астигматизм*), но и болезней сердца, сосудов, желудочно-кишечного тракта и т. п. (ср.: *инфаркт, диарея, дистрофия, СПИД*), хотя в большинстве случаев это не языковые, а окказиональные метафоры. Например: *Михаил Касьянов больше не верит в перспективы российской оппозиции, сраженной политической дистрофией* (РБК, 2007.11.21).

Боле однородной оказывается подгруппа используемых при переносах лексем, **именующих психические и неврологические заболевания**. Чаще всего советские и российские СМИ используют при метафоризации общеупотребительные лексемы с обобщенным обозначением психической неадекватности (ср.: *безумный, безумие, безумство, безумец, обезуметь; сумасшедший, сумасшествие; душевнобольной*),

а также обиходные и терминологические наименования нервно-психических расстройств с сильным внешним проявлением (ср.: *бешеный, бешенство; истерия, истерика, истерический, истерически*). Например: **Безумный империализм** [Гитлера] привел к войне (КЗ, 1942.03.05); *Как это непохоже на истеричность немецкого наскока, ...на комедиантские речи Гитлера* (КЗ, 1942. 01.21). — *Настоящее ли, мнимое ли помешательство правителя оборачивается коллективным сумасшествием политической элиты и общества* (НГ, 2014.10.14); *Развиваемая в мире антироссийская истерия будет осуждена последующими поколениями* (ПГ, 2015.02.10).

В советских СМИ из более узкой специальной терминологии фиксируются только лексема *мания* и устойчивое сочетание *нервное расстройство*, тогда как в российских СМИ при формировании языковых и окказиональных переносов используется целый ряд медицинских терминов (ср.: *даун* (и разговорный окказионализм *дауненок*), *маразм, шизофрения* и т. п.). Например: *Вялотекущая шизофрения судебной системы* (НовГ, 2013.10.11); *Незалежный новогодний маразм: киевлян готовят к проведению АТО в столице* («Военно-промышленный курьер», 2014.12.26); *Периодически западноукраинские „политические даунята“ приезжают* (МК, 2012.07.16).

Примечательно, что в современных СМИ активно включаются в метафоризацию терминологические и разговорные наименования (лексические и фразеологические) такого социально значимого психического заболевания, как наркомания (ср.: *наркоман, сесть / подсаживаться на иглу, сидеть на игле*). Например: *Мы много лет говорим о создании внутреннего спроса, но по-прежнему сидим на нефтяной игле* (КП, 2013.05.21).

Метафоризация наименований **причины, источника заболевания** в советских и российских СМИ, как правило, представлена общеупотребительными и терминологическими обозначениями отравляющих веществ (ср.: *отрава, отравить, яд*); болезнетворного начала, распространяющегося в организме, паразитически размножающимся микробами, неклеточными частицами, обладающими геномом (ср.: *заражать, поражать, бактерия*). Но в современных СМИ этот ряд, как и в вышеуказанных подгруппах, расширяется за счет медицинской терминологии (ср.: *вирус, инфекция*). Например: *В этом ее [Красной Армии] огромное превосходство над фашистской армией, отравленной ядом расистского людоедства*. (Пр., 1941.16.09); *Сумасшествие Гитлера*

заразило японцев... (КЗ, 1941.12.09). — *Вирус украинства был создан в лабораториях католических ксендзов с участием австрийского генштаба. Затем он был выпущен на волю и стал поражать местное население* (АиФ, 2015.07.02).

Среди наименования **симптомов, внешних проявлений заболевания** в советских СМИ метафоризации подвергается ядерный в подгруппе субстантив *боль* и однокоренные с ним лексемы: *болеть₃* ‘испытывать болезненное ощущение’ и т. п. Кроме того, в первичных значениях переносов может конкретизироваться тип симптома, внешнего проявления заболевания (ср.: *зудеть, язва, гной, нарыв*). В российских СМИ этот ряд вновь пополняется медицинской терминологией и общеупотребительной, разговорной лексикой, более разнообразно характеризующей внешние проявления заболевания (ср.: *симптом, температура₂* ‘о высокой температуре (разг.)’, *конвульсия*). Например: *От этих взаимных напоминаний в палате стоял удушливый воздух аферистской клоаки, в которой неожиданно разворосили весь старый гной, кое-как прикритый по побуждениям „патриотической“ стыдливости и общей заинтересованности в сохранении господствующего режима* (Изв., 1930.04.12). — *А Джей Макгрегор, пишущий для Forbes.com, видит в таких стартапах, как Yo, симптом грядущего краха технологического рынка* (РБК, 2014.06.23); *Всё это похоже на гнойник. Гной источает зловоние... но, только вскрыв нарыв, мы можем преодолеть безответственность наркома* (КП, 2013.10.10).

Наконец, номинации **заболеваний по степени опасности заражения и распространения** как источник метафоризации фиксируются единичными лексемами как в советских, так и в российских СМИ. В тот и другой период развития русскоязычного политического дискурса используется термин *эпидемия* и его обиходный синоним или гипоним *зараза₂* ‘эпидемия, порождаемая микробами’. В современных СМИ журналисты используют еще один медицинский термин, указывающий на высшую степень распространения эпидемии, — *пандемия*. Например: *Кажется, что здесь разразилась эпидемия [самоубийств]* (КЗ, 1941.12.21); *Одновременно продолжается очистка Африки от фашистской заразы* (КЗ, 1942. 03.01). — Но до того красивы горы, что не хочется думать, что вот откуда-то отсюда расплзается по стране террористическая зараза (КП, 2013.06.11); *Пандемия лоббизма?* (НовГ, 2009.08.05).

Таким образом, при метафоризации

членов семантической группы «**Болезненные состояния человека**» в советских и российских СМИ используются преимущественно ядерные в подгруппах и рядах лексем, не ограниченные в функционально-стилистическом отношении или представляющие собой широко распространенную медицинскую терминологию. Но в советских СМИ данные подгруппы и группа в целом последовательно увеличиваются за счет узкоспециальной медицинской терминологии, что свидетельствует о возросшем уровне образования носителей языка и об интересе общества к проблемам здравоохранения. Кроме того, в советских СМИ преобладают языковые метафоры, тогда как современные журналисты достаточно активно используют окказиональные переносы, формируемые в первую очередь на базе специальных терминов.

Аналогичные особенности прослеживаются при метафоризации в советских и российских СМИ членов второй семантической группы «**Лечение заболеваний человека**», однако динамические изменения здесь носят более радикальный характер.

Так, среди номинаций *лиц, предпринимающих усилия по восстановлению здоровья человека*, в СМИ 1918—1945 гг. в метафорических значениях зафиксированы два слова: общеупотребительное *врач* и устаревшее *лекарь*, тогда как в XXI в., помимо этого, встречаются метафоры (языковые или окказиональные) на базе разнообразной общеупотребительной и узкоспециальной терминологии (ср.: *хирург, терапевт, диагност, донор, санитар*). Например: *Влив в рот немецкого народа это варево из вранья, лекари фашистской пропаганды ожидают, что больной облегченно вздохнет и сладко уснет* (КЗ, 1942.03.17). — *Компания должна сама исправлять ошибки. Понимаете, мы не лекари, мы диагносты. А терапевты и хирурги — это Правительство, Генеральная прокуратура, Следственный комитет, МВД, Госдума, в конце концов* (КП, 2013.05.19).

Ядерной же для советских и российских СМИ в данной СГ становится подгруппа «**Предпринимаемые меры, специальные средства и инструменты для восстановления здоровья человека, предотвращения заболевания**». На обоих этапах развития дискурса наиболее регулярно формируют переносы члены одного словообразовательного гнезда, обобщенно характеризующие динамику состояния здоровья больного человека (ср.: *лечить, лечение, излечить, излечение, вылечить, залечить*), только в современных СМИ список deriva-

тов несколько больше. Например: *Зверства, грабежи и насилия, чинимые немецко-фашистскими захватчиками над мирным населением и советскими военнопленными, излечили наших бойцов от этой болезни* [благодущия и беспечности] (Пр., 1942.05.01). — *Теперь необходим разговор с людьми, чтобы вылечить общество от „идейно-политической шизофрении“* (РБК, 2012.01.18); *Последние пять лет грекам твердят, что если они излечатся от своей болезни — так тому и быть, а если откажутся от евро — небеса обрушатся на землю* (Ъ, 2015.01.24).

Среди специальной терминологии, именуемой конкретные этапы и меры по восстановлению здоровья человека, в советских СМИ нами зафиксированы лишь лексемы *диагноз, хирургия, хирургический*, тогда как современные журналисты используют при языковой и окказиональной метафоризации разнообразные наименования (ср.: *диагноз, диагностика, терапия, терапевтический, хирургия, хирургический, ампутация, реанимация, реанимировать, анестезия* и т. п.). Например: *Явившись на батарею, мастер подходит к поврежденной гаубице. Он ставит диагноз быстро и точно и тут же приступает к „лечению“* (КЗ, 1941.09.17). — *Украине поставлен страшный диагноз — „пациент мертв“* («Интерполит», 2014.11.10); *Ампутация политических иллюзий* (НИ, 2014.03.27); *Мы реанимируем переговоры по строительству глубоководного порта* (Изв., 2014.06.11).

Более разнообразными метафорами, в том числе и окказиональными, построенными на оксюмороне, представлен в советских СМИ ряд, именуемый специальные средства (ср.: *лекарство, пилюля, лаврогитлеровские* (на базе — *лавровишневые*) *капли, свинец*). В российских СМИ единицы *лекарство* и *пилюля* тоже самые востребованные при формировании переносов, но, кроме того, фиксируются также следующие: *таблетка, препарат* ‘фармацевтический продукт’, *прививка, вакцина, панацея, капельница, скальпель*. Например: *Очередную столовую ложку этого лекарства [дезинформации] германское информационное бюро преподносит в таком виде* (КЗ, 1942.03.17); [К. Е. Ворошилов] *Ничего подобного — эта пилюля [защита химической войны правительством США] была проглочена английскими консерваторами молча и не без удовольствия* (Изв., 1927.03.15); *От слепоты его [врага] излечит свинец прощального залпа* (КЗ, 1941.12.27). — *Горькую пилюлю для банков немного подсластили обещанием выделить инвесторам 30 млрд евро* (РБК, 2011.10.28); [А. Кудрин] Я

называю текущее состояние „экономика под **капельницей**“ (РБК, 2012.10.05).

Таким образом, медицинская лексика играет важную роль в формировании метафорической системы как советских, так и российских СМИ. Но в динамике прослеживается последовательное увеличение числа лексем, вовлекающихся в этот процесс, прежде всего за счет специальной терминологии. Далеко не всегда это приводит к формированию устойчивых языковых переносов, но большая доля индивидуально-авторских метафор усиливает экспрессию и воздействующую силу политического текста.

Наиболее значимым представляется тот факт, что метафоры на базе медицинской лексики на обоих рассматриваемых этапах развития политического дискурса образуют достаточно хорошо структурированную систему, функционирующую в рамках устойчивой языковой концептуальной модели. Данная модель представляет собой часть более общей **биоморфной** макромоделли, в основе которой лежит представление о жизни человека как о бытии какого-либо феномена непредметного мира (интеллект и эмоции человека, его внутренний мир, характер и поведение; социально-политическая, экономическая сфера; идеология и культура; абстрактная сфера и т. п.) [Балашова 2014: 183].

В соответствии с этим в **медицинской модели больной организм** осмысливается как феномен, неспособный к нормальному функционированию (саморазвитию) из-за возникших проблем, тогда как сами проблемы мыслятся как **заболевания**. В политическом дискурсе это, естественно, преимущественно социально-политические и экономические реалии. *Степень опасности заражения и распространения заболевания* ассоциируется со степенью угрозы для развития и самого существования характеризуемого явления. Например: *В борьбе с этими застарелыми **болезнями** нашего аппарата [о бюрократизме], кому, как не профессиональным организациям быть на первой линии огня? («Железнодорожник». 1929. № 1); „Государственный секретарь Хэлл вчера заклеил Аргентину как штаб фашистского движения... и как потенциальный источник **заразы** для остальной Америки“ (Пр., 1945.05.04). — *Сервисное и гарантийное обслуживание всегда было **больным** местом нашего экспорта (Изв., 2014.04.23); Тогдашние пионеры вряд ли могли догадываться, что **зараза**, которую победили их отцы [о национализме и фашизме], в начале века вновь оживет, да где — на Украине (КП, 2014.03.25).**

Тип заболевания осмысливается как кон-

кретизация существующей проблемы в функционировании данного явления, причем на исследуемых этапах развития политического дискурса формируются общие и специфические типы устойчивых ассоциаций. Так, в советских и российских СМИ болезни глаз осмысляются как недалководность, некомпетентность действий отдельных социально-политических, экономических институтов и конкретных политических деятелей. Однако сферы приложения этой разновидности медицинской концептуальной метафоры различны. В СМИ 1918—1945 гг. от этого вида «заболеваний» страдают враждебные Советской России и СССР капиталистические страны и их руководители; противостоящие власти и коммунистической партии внутренние социально-политические силы, идеологические противники, разного рода «уклонисты», руководители отсталых предприятий и т. п. Примечательно, что в этот круг попадают и деятели культуры и искусства. Например: *Только люди с **гнилым нутром**, только **безумные слепцы** могут сомневаться в нашей победе над немцами (КЗ, 1941.11.15); Будет необычайной **близорукостью**, вопиющей **слепотой** людей, руководящих кино, если они сейчас же не позаботятся об организации профессии драматургов в семье работников кинематографического искусства («Советское искусство»: ОВК по делам Искусств при Совнаркомом Союза ССР № 2 (408), 1938.10.01). В российских СМИ этот вид заболевания также ориентирован на характеристику социально-политических, идеологических, экономических оппонентов, и в этой роли могут выступать как провластные структуры, так и противники власти (в зависимости от позиции автора публикации). Например: *ЕП проявляет „геополитический **астигматизм**“ по Украине (РИАН, 2015.15.01); **Расплата за самонадеянность и близорукость властей** была жестокой (Тр., 2002.08.22).**

Заболевания, связанные с поражением кожи, слизистых оболочек, особенно с неэстетичными, неприятными для окружающих внешними симптомами, регулярно характеризуют наиболее острые, трудно решаемые проблемы. В советских СМИ это преимущественно общественные недостатки, которые власть воспринимает как пережиток капитализма, а также те разрушения, беды, что принесла стране Гражданская война и война с фашистской Германией, сама идеология гитлеровского нацизма и т. п. Например: *Война обнажила все **язвы** самодержавия, всю его **гниль** (КЗ, 1942.03.12); В сонме этих общественных пороков [чиновников в царской России] и **язв** огромное место за-*

нимала всем известная и почти всеми употреблявшаяся взятка (ЕЧК, 1918.10.13); Многие вспомнилось при взгляде на них: и раны Сталинграда, и страдания Ленинграда... (Изв., 1945.05.09). В российских СМИ таких тематических ограничений нет. Например: „Колдун, ведьма, леший, домовый и партнеры“ и будет стричь там деньги, зарабатывая на язвах нашей полунищей медицины (КП, 2013.11.05); Заслуга Суворова в том, что он объяснил им [ветеранам] их жизнь и просто закрыл их десятилетиями **кровоточащие** непониманием **раны** (КП, 2010.06.22).

В ряде случаев тематические ограничения могут накладываться на использование в переносном значении конкретных лексем. Наиболее регулярно это наблюдается в советских СМИ. Так, лексема чума фиксируется исключительно по отношению к фашистской Германии и ее идеологии. Примечательно, что подобные устойчивые, но сохраняющие экспрессию сочетания-публицизмы (*гитлеровская/коричневая чума*) регулярно представлены и в современных СМИ, а возникающие новые сочетания (например, при характеристике терроризма) явно ориентируются на эти советизмы (*чума XX в. / XXI в.*), ср.: *Недалек тот час, когда гитлеровская чума будет стерта с лица Земли* (КЗ, 1941.09.11). — *Уничтожение властями Грузии мемориала воинам Великой Отечественной войны... унизило все народы мира, которые воевали и боролись с коричневой чумой — гитлеровским фашизмом* (НР2. 21.12.2009); *Мир вновь как будто одурманили чума нацизма и дух беспредела* (Изв., 2014.05.07); *Эмомали Рахмон назвал Исламское государство „чумой века и серьезной опасностью“* (Изв., 2014.13.12).

В российских СМИ нами зафиксировано только одно подобное ограничение: устойчивые сочетания, характеризующие наркозависимость, указывают на несбалансированность, сырьевой характер экономики, экспортирование почти исключительно нефтепродуктов, хотя в последние годы тематика описываемых ситуаций может и расширяться. Например: *Экономика по-прежнему сидит на нефтяной игле, производство не развивается, доля импорта увеличивается* (КП, 2012.10.11); *Сериалозависимые, и сидящие на игле „Игры престолов“ в особенности, изнывали в предвкушении премьеры четвертого сезона шоу* (Изв., 2014.04.11).

Следует отметить, что, поскольку в современных СМИ переносные значения фиксируются у значительно большего числа номинаций самых разных физических и психических заболеваний, то с их помощью авто-

ры публикаций дают яркую, экспрессивно насыщенную характеристику жизни России и мирового сообщества. Например: *Политическая паранойя никогда не приносила пользы и не решала серьезных проблем ни в одном государстве* (НИ, 2010.03.15); *Евросоюз: пандемия безумия* (НГ, 2014.02.14); *Доля [торговли]... равна почти трети ВВП. Это выше даже, чем у США. За счет чего возник такой странный „флюс“?* (РГ, 2015.01.27); *Партии растворяются в политической диарее. Народ берет управление в свои руки* (КП, 2012.05.08); *Фашистская гангрена расползается по телу мирового сообщества* (КП, 2010.06.22).

В соответствии с общей концепцией *усилия, направленные на восстановление здоровья* больного человека, осмысляются как стремление решить возникшую проблему; *медицинский персонал* — как социально-политические, экономические силы, институты и т. п., которые (с разной результативностью) предпринимают такие усилия; *методы лечения, используемые медицинские средства* и т. п. — как конкретные способы, с помощью которых решается проблема. Например: *В самом ли деле... такая ли уже неисцелимая „язва“ [взятничество], за лечение которой не стоит и браться* (ЕЧК, 1918.10.13); *Мы уже занялись изучением послевоенных потребностей всего мира. Мы не намечаем временных лекарств, мы намечаем прочное излечение* (КЗ, 1941.11.09). — *Помогут ли умирающей партии реанимационные предприятия от Дмитрия Медведева* (НГ, 1012.04.10); *В пакете реформ есть и горькие пилюли* — Порошенко (Пр., 2015.02.02); *Тимошенко — санитар оппозиции* (НГ, 2013.10.11).

Устойчивость рассматриваемой концептуальной модели проявляется также в том, что советские и российские СМИ используют развернутые метафоры, хотя, безусловно, в современных публикациях их значительно больше. Например: *Германское информационное бюро лечит нервное расстройство утешительным враньем, которое можно назвать лавро-гитлеровскими каплями* (КЗ, 1942.03. 17). — *Чтобы признаться в такой, мягко говоря, аховой ситуации [о фальсификации результатов ЕГЭ в школах], нужно немалое мужество. И здорово, что чиновник такого ранга на него способен. Потому как чтобы вылечить болезнь нужно сначала поставить правильный (в нашей ситуации честный) диагноз* (КП, 2014.07.02); *Это [тоталитаризм] очень опасно для страны... И поэтому такие терапевтические вещи, такие прививки, если хотите, стране необходимы...*

Мне очень интересна позиция, что мы должны каким-то *терапевтическим* путем *излечиться* от некой *бациллы* [тоталитаризма], от этого *СПИДа*, так сказать, XX века (КП, 2011.04.01).

При сопоставлении функционирования медицинской модели метафоризации на двух этапах развития русскоязычного политического дискурса концептуально значимым оказывается и семантико-статистический аспект. Так, в советских СМИ около 80 % зафиксированных медицинских метафор формируются на базе семантической группы «Болезненные состояния человека», тогда как в российских СМИ метафоры этой группы также преобладают, однако около 35 % все же связаны с семантической группой «Лечение заболеваний человека». Подобная статистика вполне соответствует политическому дискурсу СМИ: внимание к проблемам, «болевым точкам» в жизни социума — одна из характерных черт политической коммуникации в целом. Однако на разных этапах развития рассматриваемого нами типа дискурса данная особенность имеет специфические черты. В советских СМИ основные проблемы — «заболевания» оказываются связанными с внешним миром, настроенным негативно по отношению к Советской России или СССР; с прошлым — с царской Россией и ее пережитками; с деятельностью идеологических и политических противников, оппонентов Советского государства и коммунистической партии. Все эти политические феномены признаются не только «тяжело больными», но и «нежизнеспособными», а как следствие, и не требующими лечения. В российских СМИ пристальное внимание к проблемам в развитии социума только усиливается, но они уже не связаны жесткими тематическими и идеологическими рамками, в которые были поставлены советские журналисты. Более того, именно внутривосточная проблематика выходит на первое место. Естественно, авторы политических текстов прямо заинтересованы в решении этих проблем, т. е. в их «лечении», хотя, в зависимости от политической и идеологической ориентации, способы «лечения», «оздоровления» общества предлагаются

разные, иногда диаметрально противоположные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашова Л. В. Политический 2012 год в зеркале концептуальной метафоры // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 11—23.
2. Балашова Л. В. Реализация концептов «свой — чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 40—50.
3. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI—XXI вв. — М. : Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014. 632 с.
4. Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73—94.
5. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006а. 215 с.
6. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006б. 252 с.
7. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2008. 248 с.
8. Дементьев В. В. Актуальные проблемы непрямого коммуникации и ее жанров: взгляд из 2013 // Жанры речи. 2014. № 1—2 (9—10). С. 22—49.
9. Дементьев В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78—107.
10. Зарипов Р. И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте войны в Сирии // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 76—86.
11. Кирилова И. В. Сакральная символика традиционной народной культуры как средство воздействия в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 135—139.
12. Колтышева С. Я. Метафорическая модель «Шоу-бизнес — мир сказок и мифов» в дискурсе российских СМИ // Политическая лингвистика. 2012. № 3 (41). С. 81—87.
13. Краснова Т. И. Анализ политического дискурса: подходы и категории // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 46—55.
14. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
15. Марьянчик В. А. Жертвоприношение как медиаполитический сценарий // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 152—155.
16. Муране С. Н. Лексика медицинской сферы в языке современной российской и латвийской прессы // Лингвистика : бюл. Урал. лингвист. о-ва. — Екатеринбург, 2002. Т. 8. С. 134—142.
17. Хади Али Абдульмумин. Функционирование медицинской и бытовой лексики в политическом дискурсе печатных и электронных СМИ XXI века // Научный форум: филология, искусствоведение и культурология. — М. : Международный центр науки и образования, 2017. С. 107—118.
18. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 53—59.
19. Lakoff G. The political mind. — New York : Viking, 2008. 292 p.

L. V. Balashova
Saratov, Russia

MEDICAL CONCEPTUAL METAPHOR IN THE POLITICAL MEDIA DISCOURSE OF THE XX—XXI CENTURIES (DYNAMIC ASPECT)

ABSTRACT. The article deals with metaphors formed on the basis of medical vocabulary found in the Soviet and post-Soviet (Russian) media. The aim of the study is to establish the similarities and the differences in the functioning of medical metaphors at two stages of the development of the Russian language political discourse of the media, and their role in the formation and representation of the worldview. The research is based on newspaper texts, publicistic and newspaper sub-corpora of the National Corpus of the Russian Language for 1918 — 1945 and 2000 — 2017. It is noted that the medical lexicon is an active source of political metaphors, but in the XXI century the number of such transfers increases significantly, and the words become more diverse in the semantic and functional-stylistic aspects. It is emphasized that all the analyzed metaphors are used within one conceptual model by means of which the authors

of publications describe the main problems in the development of the country and the world. In the Soviet media, these problems, called "diseases", are associated with the external, capitalist environment and the Royal past, so they are usually "incurable"; the journalists of the XXI century focus on "pain points" in the development of modern Russia, offering various methods of "treatment" of these problems.

KEYWORDS: conceptual metaphors; medical vocabulary; political discourse; Russian mass media; political metaphor; media linguistics; media discourse; mass media.

ABOUT THE AUTHOR: Balashova Lyubov Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.

REFERENCES

1. Balashova L. V. Politicheskiy 2012 god v zerkale kontseptual'noy metafory // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 2 (44). S. 11—23.
2. Balashova L. V. Realizatsiya kontseptov «svoe — chuzhoy» v rossiyskom politicheskom diskurse nachala XXI v. // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1 (47). S. 40—50.
3. Balashova L. V. Russkaya metaforicheskaya sistema v razviti: XI—XXI vv. — M. : Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi : Znak, 2014. 632 s.
4. Baranov A. N. O tipakh sochetanosti metaforicheskikh modeley // Voprosy yazykoznanija. 2003. № 2. S. 73—94.
5. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskom interdiskurse. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2006a. 215 s.
6. Budaev E. V., Chudinov A. P. Sovremennaya politicheskaya lingvistika. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2006b. 252 s.
7. Budaev E. V., Chudinov A. P. Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2008. 248 s.
8. Dement'ev V. V. Aktual'nye problemy nepryamoy kommunikatsii i ee zhanrov: vzglyad iz 2013 // Zhanry rechi. 2014. № 1—2 (9—10). S. 22—49.
9. Dement'ev V. V. Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nye protsessy sovremennoy rechi // Voprosy yazykoznanija. 2015. № 6. С. 78—107.
10. Zaripov R. I. Metaforicheskie obrazy Rossii vo frantsuzskom politicheskom diskurse v kontekste vojny v Sirii // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 6 (66). S. 76—86.
11. Kirilova I. V. Sakral'naya simbolika traditsionnoy narodnoy kultury kak sredstvo vozdeystviya v politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 1 (35). S. 135—139.
12. Koltysheva S. Ya. Metaforicheskaya model' «Shou-biznes — mir skazok i mifov» v diskurse rossiyskikh SMI // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 3 (41). S. 81—87.
13. Krasnova T. I. Analiz politicheskogo diskursa: podkhody i kategorii // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 2 (44). S. 46—55.
14. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem. — M. : Editorial URSS, 2004. 256 s.
15. Mar'yanchik V. A. Zhertvoprinoshenie kak mediapoliticheskiy stsennariy // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 1 (35). S. 152—155.
16. Murane S. N. Leksika meditsinskoy sfery v yazyke sovremennoy rossiyskoy i latviyskoy pressy // Lingvistika : byul. Ural. lingvist. o-va. — Ekaterinburg, 2002. T. 8. S. 134—142.
17. Khadi Ali Abdul'munim. Funktsionirovanie meditsinskoy i bytovoy leksiki v politicheskom diskurse pechatnykh i elektronnykh SMI XXI veka // Nauchnyy forum: filologiya, iskusstvovedenie i kul'turologiya. — M. : Mezhdunarodnyy tsentr nauki i obrazovaniya, 2017. S. 107—118.
18. Chudinov A. P. Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 2 (40). S. 53—59.
19. Lakoff G. The political mind. — New York : Viking, 2008. 292 p.